

Институт философии РАН

Некоммерческий научный фонд
«Институт развития им. Г. П. Щедровицкого»

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ
первой половины XX века

Роман
Осипович
Якобсон

Под редакцией Н. С. Автономовой,
Х. Барана, Т. Г. Щедриной

РОССПЭН

Москва

2017

Патрик Серิโอ

Роль биологических и географических моделей в структурализме «русских пражан»*

«Просто так ничего не бывает»

Якобсона широко признают «основателем структурализма», однако за этой широтой стоит наше непонимание его философских источников в период между двумя войнами. Конечно, анти-позитивизм, анти-натурализм, теория целостной науки и всеобщих связей, все это — термины, которые составляют общий багаж исследователя его интеллектуального мира как в России, так и на Западе. Однако целые территории его гуманитарной вселенной все еще остаются в тени. Здесь на ум приходит, например, его интерес к славянофильским теориям грамматики (особенно К. Аксакова), к концепции культурных типов Н. Данилевского или к евразийским идеям. И в этом Якобсон не перестает нас удивлять, так что та научно-философская проблематика, которой он занимается в 1920—1930-е годы, не только не принадлежит ушедшей истории, но, как мне представляется, по праву входит в дискуссии о

* В статье представлены некоторые идеи и темы книги П. Серิโอ «Structure et totalité» (1999); рус. пер.: Серิโอ П. Структура и целостность: об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920—30 гг. / Авториз. пер. с фр. и вступ. ст. Н. С. Автономовой. М., 2001. — Прим. пер.

глобальном и частном, а также о месте науки в постмодернистском мире начала XXI века.

Именно в этой перспективе я хотел бы здесь исследовать малоизвестную полку в идеальной библиотеке Яacobсона в пражский период структурализма: это книги по биологии в ее отношениях с тем, что сейчас называют *глобальной экологией*. По сути, в то время большая часть занятий и подходов «русских пражан» (Р. О. Яacobсона, Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого) четко вписывались в контекст споров, связанных с эволюционной биологией — наукой, которая наряду с лингвистикой претендовала на роль творца моделей.

Если читать труды Яacobсона поверхностно, может показаться, что его нередкие филиппики в адрес шлейхеровского натурализма говорят о нем как об одном из главных представителей социологической тенденции в лингвистике, весьма распространенной в эпоху Мейе: «Напоминать сейчас о том, что языкознание является социальной, а не естественно-исторической наукой, — это значит, высказывать банальную истину. <...> Уже давно отвергнута доктрина А. Шлейхера, завязаного натуралиста в области языкознания, а пережитки ее живучи и по сей день. <...> Однако эта тенденция находится в вопиющем противоречии с социологической направленностью современной лингвистики»*. На мой взгляд, главные русские представители Пражского лингвистического кружка были бесконечно далеки от социологической модели, которую Мейе заимствовал у Дюркгейма. Они опирались, как и Шлейхер, на *биологическую* модель, которая была совершенно антидарвиновской — в духе *русского* восприятия дарвинизма**.

Телеология или причинность?

Книга Дарвина «Происхождение видов», опубликованная в Англии в 1859 году, была переведена в России в 1864 году. Она появилась в важный момент русской истории — в период ин-

* Яacobсон Р. О. О теории фонологических союзов между языками // Яacobсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 92–93.

** Наше прочтение не является редукционистским, так как мы, конечно же, не сводим взгляды Яacobсона и Трубецкого к антидарвиновской реакции. Это просто другое прочтение, уделяющее внимание малоизученному аспекту, без которого наше восприятие структурализма было бы неполным и потому искаженным.

теллектуального и идеологического брожения умов после поражения в Крымской войне (1855) и начала великих реформ Александра II (1861 год: отмена крепостного права). Учение Дарвина как целостное видение мира с восторгом воспринималось «радикальной» русской интеллигенцией, которая находила в нем опору для антиидеалистических и антиромантических взглядов. Дарвин, по сути, отвергал всякую телеологическую установку ради объяснения эволюции в терминах причинности (борьба за жизнь, естественный отбор, выживание сильнейших).

В России, как и в других европейских странах, среди богословов, философов, ученых вскоре возникла антидарвиновская реакция. Среди ученых наиболее важная фигура для нашего обсуждения — естествоиспытатель К. Бэр. Он выдвигал «всеобщее развитие природы» в духе натурфилософии Шеллинга, а также аристотелевскую «телеологию» в противовес ньютоновскому учению о причинах и поддерживал отнюдь не механистическое объяснение эволюции — по крайней мере в истолковании органического мира. Однако своеобразие русской ситуации, по-видимому, заключалось в особом симбиозе естественных наук со славянофильским консерватизмом. Данилевский тоже был естествоиспытателем (ихтиологом и учеником Бэра). В книге «Дарвинизм» (1885) он отверг внешнюю причинность и провозгласил телеологию как единственный объяснительный принцип эволюции («внутренние факторы» являются единственным подлинным источником направленных органических изменений и всеобщей гармонии в живой природе). Отметим, однако, что его доводы основаны на восприятии дарвинизма как продукта «западного материализма». Подобно своему другу К. Леонтьеву, он видел в победах западной науки фундаментальную угрозу тем духовным ценностям, которые сохраняют нетронутой русскую душу, придавая ей культурную и историческую самобытность.

Якобсон неоднократно ссыался на Данилевского (например, в работе «Русский миф о Франции»)*, но чаще всего он ссыался именно на Бэра: это происходило всякий раз, когда

* Jakobson R. Der russische Frankreich-Mythus (рец. на: Савич О., Эренбург И. Мы и они. Франция. 1931) // Jakobson R. Russie, folie, poésie / Пер. с нем. Paris, 1986. P. 161.

ему нужно было обосновать критику той языковедческой парадигмы, которую в 1920–1930-е годы многие считали новой и научной: речь идет о строго *причинном* подходе к объяснению языковых изменений у младограмматиков. Однако большинство отсылок к биологии были связаны для пражского Jakobsona с Л. С. Бергом. В 1922 году в книге «Номогенез», сильно повлиявшей на Jakobsona, он представил явно антидарвиновскую концепцию эволюции, уделяя главное внимание целесообразности как свойству живого. Именно ссылки на номогенез Л. Берга позволили Jakobsonу — в борьбе с младограмматическим пониманием причинности — изложить собственные принципы антидарвинизма: «По Дарвину, эволюция — это сумма дивергенций, которые возникают в результате случайного варьирования в особях и вызывают медленные, непрерывные и едва заметные изменения; существует великое множество наследуемых вариаций, устремляющихся во всех направлениях. Этому учению современная биология, в особенности русская, все более противопоставляет номогенез: эволюция во многом конвергентна — она следует внутренним законам, охватывающим огромные массы особей на обширной территории, и проявляет себя прыжками, конвульсиями, быстрыми переменами; число наследуемых вариаций ограничено, и они устремляются лишь в определенных направлениях»*.

В этом отрывке просматриваются основные взгляды Jakobsona на эволюцию языков — то, что позволяет ему с эпистемологической точки зрения отвергать Соссюра (которого многие уподобляли младограмматикам). Утверждая, что современная наука (и прежде всего *русская*) характеризуется заменой *почему* (*why*?) на *с какой целью* (*why*?), он предлагает заменить «механистические взгляды телеологическим подходом**».

Заметим, что, не проводя здесь аналогии по предмету (в отличие от Шлейхера, для которого языки *суть* живые организмы), Jakobson проводит аналогию по методу: можно изучать эволюцию языков *подобно тому*, как мы изучаем эволюцию

* Jakobson R. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves // Travaux du Cercle linguistique de Prague. T. II. 1929 // SW. Vol. I. P.110.

** Jakobson R. O hláskoslovnem zákonu a teleologickém hláskosloví // SW. Vol. I. 1971. P. 2.

живых существ*. Для Якобсона главная модель — это не кристалл, но сложный симбиоз живого организма с его окружением. Однако при этом мы не выходим за рамки естествознания и даже самую культуру видим как естество.

Рассмотрим далее яркий пример знания нового типа, которым была для Якобсона, как и для Трубецкого, теория соответствий: руководствуясь этой теорией, они вместе с географом П. Н. Савицким искали *совпадения* между изоглоссами, изотермами и другими культурными и природными изолиниями**.

Месторазвитие: недетерминистский объект?

Современники нередко обвиняли евразийцев в защите *географического детерминизма* или, иначе, «географического мистицизма»***. Однако их позиция отличалась как от детерминизма Ратцеля (антропогеография), так и от «поссибилизма» П. Видаль де ла Блаша (человеческая география) в том, что их теория *связи* людей с территориями основана на *взаимодействии*, а не на *детерминации*. Конечно, и у тех, и у других мы находим мысль о том, что науки о земле и науки о человеке не нужно разрывать, что страны и люди должны рассматриваться как нечто Целное. Однако позиция евразийцев с их акцентом на *связи* между *социоисторической средой* и *географической обстановкой* своеобразна: они не учитывают причинные отношения и выводят на первый план понятие *симбиоза, органической целостности*. Их научная задача — выявить связи, чтобы определить границы между целостностями. По достиже-

* Якобсон Р. О современных перспективах русской славистики // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 24.

** Ср.: Якобсон Р. О. К характеристике евразийского языкового союза. Париж, 1931; Idem. Über die phonologischen Sprachbünde // SW. Vol. I. P. 137–143; Jakobson R. Les unions phonologiques de langues // Le Monde slave. № 1. 1931. P. 371–378; Якобсон Р. О фонологических языковых союзах // Евразия в свете языкознания. Прага: Издание евразийцев, 1931. С. 7–12; Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре // Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания. Париж, 1927. С. 34–53.

*** Кизеветтер А. А. Евразийство и наука // Slavia. Prague, 1928. Vol. 6. P. 427.

нии этой цели научный потенциал исследователей оскудевает, или, может быть, у евразийской науки просто не было времени расширить рамки исследования.

Якобсон многократно ссылаясь на работы Савицкого и на его понятие *месторазвития*, и это дает нам основу понимания *структуры и целостности* у «русских пражан»: «С каждым годом все нагляднее обнаруживается (ибо в эту сторону направлено ныне острие научных изысканий) соотношенность, тесная закономерная связь между явлениями различных сфер. Связанность явлений не следует мыслить в форме буквального совпадения их границ, обычно межевые линии сопряженных признаков группируются в пучки. Явления могут быть сопряжены хронологически либо территориально. Как в том, так и в другом случае факт соотношенности нескольких сфер не ограничивает самозаконности каждой из них. Напротив, этой соотношенности не найти без предварительного имманентного рассмотрения отдельной сферы. Это необходимая предпосылка. Подлежит изучению каждая сфера в структуральном многообразии ее конкретных проявлений — историческое многообразие в свете зональной закономерности. Многообразие одной сферы не может быть механически выделено из многообразия другой, здесь нет однозначного соотношения надстроек и базы. Задача науки — уловить сопряженность разнопланых явлений, вскрыть и в этой междупланной связанности закономерный строй. Назовем этот путь исследования методом увязки, возводя в научный термин словечко нынешнего российского лексикона. Одно из проявлений этого метода — понятие месторазвития, сливающее в единое целое социально-историческую сферу и ее территорию (термин и его определение принадлежат Савицкому: Географические особенности России. Прага, 1927. Т. I. Гл. IV)»*.

Именно Савицкий сформулировал понятие *месторазвития*, которое сам же перевел на французский сначала как *lieu de développement* (нем. *Raumentwicklung*)**, а затем как

* Якобсон Р. К характеристике евразийского языкового союза. С. 146–147.

** Это было в его статье: Savickij P. N. Les problèmes de la géographie linguistique du point de vue du géographe // Travaux du Cercle linguistique de Prague. 1929. Т. I. P. 145–156.

développement local*. Й. Томан предложил переводить это понятие как *topogenesis*** , а позднее — как *genetore****. Преимущество этого последнего перевода в том, что, не отдавая предпочтения ни процессу (развитию), ни месту, оно фиксирует их взаимодействие, а кроме того, перекликается с бахтинским понятием *хронотона*. Однако его неудобство заключается в двусмысленной отсылке к *генетике*, вызывающей у читателя мыслительные ассоциации, совершенно противоположные проекту Савицкого. Вот почему во французском переводе этого термина мы сохраняем первый вариант, предложенный Савицким (*lieu de développement*). Речь идет о месте, побуждающем к особому рода развитию (нечто вроде современного понятия «экологической ниши»), причем на таком уровне, где природные и человеческие явления систематически соотносятся.

Понятие *месторазвития* имеет много общего с *пространством* в немецкой антропогеографии, особенно если учесть, что для нее территория и проживающий на ней народ составляют единое целое: «Развитие русской географической науки, по-новому и по-своему изучившей тот субстрат, на котором непосредственно живет и хозяйствует человек, на котором и среди которого разворачивается “история” человеческих обществ: почву и ее ботанический покров, — ставит вопрос о соответствующих изучениях в области обществоведения. <...> В непрерывной связи всего сущего, в последовательности форм тварного мира, нити обусловленностей и подобий тянутся к человеческому из миров совсем иных форм. И в том, что выработано “биосоциально-географическими” науками, есть элементы, в соответствующем преобразовании приложимые к человеческой социально-исторической среде. <...> Установить категорию “месторазвития”, определить ее содержание, применить к конкретным условиям — несомненно, труднее и сложнее, чем оперировать с понятием “биоценозы”, тоже, правда, понятием

* Savickij P. N. L'Eurasie révélée par la linguistique // Le Monde slave. 1931. № 1. Paris. P. 364–370.

** Toman J. The Ecological Connection: A Note on Geography and the Prague School // Lingua e stile. 1981. № 16. P. 280.

*** Toman J. (ed.). Letters and Other Materials from Moscow and Prague Linguistic Circles, 1912–1945. Ann Arbor, Michigan State Publications (Cahiers Roman Jakobson. 1994. № 1). P. 126.

не простым... Социально-историческая среда и ее территория “должны слиться для нас в единое целое, в географический индивидум или ландшафт”. Не только, конечно, социально-историческая среда без территории немыслима, в чисто внешнем смысле этого слова, но, действительно, не зная свойств территории, совершенно немыслимо хоть сколько-нибудь понять явления того или иного состава, особенностей и “образа жизни” социально-исторической среды»*.

Говоря о социально-исторических мирах, Савицкий стремился устанавливать связи «между царствами растений, животных и минералов, с одной стороны, и человеком, его бытом и даже духовным миром, с другой»**. При этом он так пояснял отказ от рассмотрения каких-либо *причинных* отношений между территорией и образом жизни: «В “общезитии” том элементу его “взаимно приспособлены друг к другу и... находятся под влиянием внешней среды, под властью земли и неба; и в свою очередь влияют на внешнюю среду”. <...> “Такое широкое общезитие живых существ, взаимно приспособленных друг к другу и к окружающей среде” и ее к себе приспособивших, понимается нами под выдвигаемой в этих строках категорией “месторазвития”»***. «Понятие месторазвития устанавливает “связи явлений”, и вопрос о направлении и природе причинных зависимостей с этой точки зрения не является существенным. Понятие “месторазвития” останется в силе, будем ли мы считать, что географическая обстановка одностороннее влияет на социально-историческую среду или, наоборот, что эта последняя одностороннее создает внешнюю обстановку; или же будем признавать наличие процессов обоих родов. Мы считаем, что научной является только эта последняя концепция. По нашему мнению, процесс, связывающий социально-историческую среду с географической обстановкой, есть процесс двусторонний. Однако в принципе основное содержание понятия “месторазвитие” не должно зависеть и не зависит от этого убеждения. Активное отношение социально-исторической среды к внешней обстановке выражают в форме утверждения, что среда

* Савицкий П. Н. Географические особенности России. Т. 1. Прага, 1927. С. 29–30.

** Там же. С. 30.

*** Там же. С. 29.

“выбирает” для себя обстановку; философы истории и этнологи нередко говорят о “выборе” определенным народом среды местожительства. Так, например, Марр (“Племенной состав населения Кавказа”, Петроград, 1920) упоминает “о выборе на Кавказе местожительства в приморской области одной группой иммигрировавших сюда яфетических народов”. Также и эта концепция уместается в рамках и согласуема с концепцией “месторазвития”. Если социально-историческая среда и “выбирает” для себя внешнюю обстановку, вступив в нее, вместе с ней она составляет “географический индивидуум” или ландшафт»*.

Однако если народ сам «выбирает себе» среду, чтобы слиться с нею в некоем симбиозе, и не является механическим продуктом среды, то языки по меньшей мере претерпевают влияние месторазвития: они могут терять существенные признаки и переходить, вследствие переселения говорящих на них людей, в другое месторазвитие: «Материал, собранный Р. О. Якобсоном, блестяще подтверждает тезис, согласно которому и в области фонологии “принцип месторазвития преобладает над принципом родства”; некоторые языки, в силу определенных закономерностей, склонны отделяться от родственных им языков и сближаться с другими, совершенно не родственными им языками. В нескольких строчках, посвященных этому вопросу, Якобсон дает целый ряд примеров. Языки тех славянских народов (сербо-хорваты, словены, словаки, чехи, лужицкие сорбы), которые выбрали для обитания европейские области, оказались, с интересующей нас здесь точки зрения, во власти “европеизации”. В этих языках исчезла “тембровая дифференциация согласных”. Венгерский язык тоже развивался под знаком “европеизации”. Несколько лет назад, разрабатывая общую теорию месторазвития, мы выдвинули тезис о его “европеизации”; венгерская равнина, хотим мы того или нет, — это остров степи, подчиненный законам европейского месторазвития. В этот период мы даже не подозревали, что существует столь четкое доказательство такой европеизации. Именно она привела венгерский язык к отказу — с фонологической точки зрения — от своего евразийского родства. В более ограниченных рамках тот же самый процесс европеизации шел и в двух других

* Савицкий П. Н. Россия — особый географический мир. Париж; Берлин; Прага, 1927. С. 31–32.

финно-угорских языках, а именно в суоми (финский язык Финляндии) и в эстонском»*.

Как мы знаем, геоллингвистика с ее отказом от замкнутой модели младограмматиков ориентировалась на поиск внеязыковых причин языковых изменений: у Доза, как и у Жильерона, пути общения (дороги и реки) способствуют изменению, горы и политические границы мешают изменению; у Фрингса административные границы создают и границы между диалектами, у неолингвистов городские центры способствуют распространению нововведений и проч. У Якобсона и Савицкого все обстоит совершенно иначе: месторазвитие и совокупность языков образуют целостность, внутри которой сходства языков объясняются не их взаимонаправленными контактами (как при биллингвизме), но их совместным пребыванием в некоем «особом мире».

Порядок и гармония

Таким образом, для «русских пражан» (Якобсона, Трубецко-го, Савицкого), в отличие от Соссюра, система предполагает порядок и гармонию. Даже когда они говорят о *совпадении*, речь никогда не идет о чем-то случайном, о беглой встрече элементов различного происхождения, но скорее об открытии *скрытого порядка* в устройстве явлений. «Русские пражане» зачарованы гигантским миропорядком, порядком целостностей, они не допускают ни беспорядка, ни нехватки, ни неполноты. На рубеже 1920-х и 1930-х годов они стремятся расшифровать знаки природы и культуры. Они ищут — по ту сторону видимого — невидимую структуру реального. Теория соответствий, типичная для немецкого романтизма, восходит — через Парацельса и Якоба Беме — к поискам соответствий между макрокосмом и микрокосмом в поздней античности. Однако, будучи наследниками этой «традиции» (свойственной не только России, но также и «романо-германской науке»), Якобсон и Трубецкой отказываются от великого натурфилософского Целого (философии природы) в пользу множественности небольших целостностей, взаимно непроницаемых и несоизмеримых

* Savickij P. N. L'Eurasie révélée par la linguistique. P. 368—369.

«культур». Они изобретают целостности во множественном числе, воспроизводя в небольшом масштабе то, что философия природы сделала для вселенной в целом. Это отказ от мысли о скрытом единстве вселенной: вселенная — лишь абстракция, реальны — лишь границы между народами как различными «симфоническими личностями». Отвергая общечеловеческую культуру как порождение западной цивилизации, Якобсон и Трубецкой на рубеже 1920-х и 1930-х годов выдвигают на первый план понятие *зон* как смягченный вариант «замкнутых культурно-исторических типов» Данилевского: способы научной работы с этими объектами определяются культурой и образуют «структуральные» целостности. Подобно романтикам, например, Новалису, они стремятся расшифровать великую книгу Природы, но подобно позитивистам, они стремятся скорее выявить *законы*, чем построить великую семиологию.

Однако «русские пражане» вписываются в современное им течение мысли, которое ищет тождественное в различном, единое в разнородном. Возникновение фонологии вписывается в этот сложный процесс, который историк науки призван поместить в более широкую картину истории культуры. Понятие миропорядка у евразийцев, в особенности у Якобсона и Савицкого, основано на резком отказе от положений эволюционизма, остро поставившего проблему *времени*. Природа имеет собственную историю, и история каждого *месторазвития* несоизмерима с другими. «Будь лик земли хаотичен, не будь в его строении закономерности, нельзя было бы, конечно, думать, что установление категории “месторазвития” даст когда-нибудь ясные и полезные результаты. Но в действительности дело обстоит иначе — геологическое устройство, гидрологические особенности, качества почвы и характер растительности находятся во взаимной закономерной связи, а также в связи с климатом, и с морфологическими особенностями данного лика земли. <...> Каждая, хотя бы небольшая, человеческая среда находится, строго говоря, в своей и неповторимой географической обстановке»*.

Интереснее то, что эта структуральная наука, рождающаяся в Праге, где бок о бок работали языковед (Якобсон) и географ (Савицкий), основывалась на платоновском или пифагорей-

* Савицкий П. Н. Географические особенности России. С. 30–31.

ском видении мира как места порядка и гармонии: это мировидение ярко присутствовало в русской мысли начала XX века, как, впрочем, и в немецкой мысли начала XIX века. Понятие «система» (или «структура») соответствовало для них понятию порядка как отказа от случайности. Подобный отказ от случайности мы видим в биологической модели Берга и в его понятии *номогенеза*.

По-видимому, существует противоречие между идеей неизменного универсального порядка, или «космоса», вечного и бесконечного порядка Природы (включающей общество), чьи глубинные основы необходимо обнаружить, и идеей исторического изменения, которое становится у Трубецкого главным предметом лингвистического исследования. В самом деле, как объяснить саму возможность эволюции, если малейшее изменение нарушает гармонию? Якобсон и Трубецкой разрешают эту трудность, полагая, что гармония присуща самому изменению, что логика процесса позволяет сохранять систематичность и в процессе перемен.

Понятие соответствия найдет применение в рамках *синтетической науки*, которая навсегда, даже в американский период, останется любимой темой Якобсона, только уже под именем структурализма.

Номогенез или случайность?

Представление Савицкого о том, что *месторазвитие* организмов (будь то живые существа, культуры или языки) важнее их *происхождения*, относится к течению мысли, развившемуся в России в начале XX века: для него характерна трактовка «номогенетической» теории Л. С. Берга как явной альтернативы дарвинизму — «номогенез» — это теория *законосообразной* эволюции, не связанной со случайностью и естественным отбором дивергирующих индивидов.

Этот отказ от случайности и генетической причинности, эта замороженность пространной конвергенцией признаков, приобретенных вследствие контакта, выражаются в настойчивой попытке разоблачить ложные целостности (у Савицкого это «европейский континент» от Атлантики до Урала, а у лингвиста Н. Трубецкого — само существование «индоевропейских языков»), с тем чтобы выявить истинные ценности (Евразия

как гео-этно-экономико-культурная целостность; евразийские языки). В отличие от Есперсена целесообразность у Трубецкого никак не связана с прогрессом.

Одна из особенностей русской критики дарвинизма, по сути, состоит в заострении конфликта между случайной эволюцией и законосообразной эволюцией. Речь, безусловно, идет о тенденциозном прочтении Дарвина, который неустанно подчеркивал *законосообразный* характер эволюции. Однако такая причинность не удовлетворяла русских критиков Дарвина: законом может быть лишь то, что предполагает детерминизм и дает возможность предсказаний.

Данилевский упрекал Дарвина в том, что он утверждал случайность эволюции, пренебрегая ее телеологическим, предопределенным смыслом. Вслед за немецким эволюционистом Теодором Аймером Данилевский называл этот аспект эволюции, которым пренебрег Дарвин, *ортогенезом*.

Берг, ссылавшийся на Данилевского, заменил дарвиновскую случайность идеей *номогенеза*, или эволюции, основанной на *законах*. Одна из его главных идей — аналогия, или параллелизм, между индивидуальным развитием (*онтогенез*) и развитием вида (*филогенез*)*, согласно геккелевскому учению о повторении одного в другом. Для Геккеля филогенез повторяет онтогенез, а признаки высших организмов «предвосхищаются» в низших организмах. Номогенез — это явная альтернатива дарвинизму. Речь идет о теории *аутогенетической* эволюции, согласно которой эволюция есть скорее развитие предсуществующих задатков, или возможностей (по модели эмбриологии, созданной Бэром), нежели реакции видов, приспособляющихся к окружению и случайным образом вырабатывающих новые признаки (по Дарвину). Якобсон постоянно опирался на положения Берга. Даже сам термин «номогенез» Якобсон взял у него. Согласно номогенетической модели, языки могут эволюционировать лишь в определенном направлении и в системной законосообразной последовательности. Якобсон четко указывает, что это требует подлинного *разрыва* с учениями предшественников. Эти учения сводятся к двум типам: во-первых, это Шлейхер с его натурализмом, во-вторых, младограмматики с их жестким позитивизмом. Поразительно, что

* Берг Л. С. Номогенез. Пг., 1922. С. 102.

и Шлейхер, и младограмматики постоянно подчеркивали *законосообразный* характер эволюции. У Шлейхера эволюция языков *с необходимостью* проходит три этапа: изолирующий — агглютинирующий — флективный (здесь можно видеть аналогию с иерархией минерального, растительного, животного миров), а младограмматики утверждали не знающую исключений *законосообразность* фонетических изменений. Однако речь идет не только о *разрыве* во времени. У Якобсона научные парадигмы имеют также пространственное и культурное измерение.

Представляется, что критику предшественников (в хронологическом порядке: Шлейхер, младограмматики, Соссюр) у Якобсона и Трубецкого следовало бы понимать в свете спора между номогенезом и случайной эволюцией в биологии. У Якобсона языки эволюционируют определенным образом — как *живые организмы*. Правда, у него есть немало мест, в которых говорится нечто прямо противоположное: языки как раз не являются живыми организмами. Однако нам важны здесь не декларации, а способ порождения знаний. В области диахронии Якобсон и Трубецкой, по сути, реализуют *метафору антидарвиновской биологии*.

Якобсон равно обвинял Шлейхера, младограмматиков и Соссюра в том, что они видели в эволюции языков лишь 1) случайность и 2) идею прогресса. Впрочем, эти взаимнопротиворечивые понятия нельзя одинаковым образом применить ко всем трем школам, но это уже другой вопрос.

Якобсон рисует такую отрицательную картину: «Для Соссюра изменения происходят непреднамеренно, они случайны и произвольны. <...> Блестящее соссюрское сравнение между функционированием языка и партией в шахматы теряет свою силу, если согласиться с Соссюром о том, что в языке нет ничего преднамеренного и что его элементы перемещаются произвольно. <...> У Шлейхера признание внутреннего функционального смысла языковой системы, данной нам в непосредственном опыте, соединялось с идеей бессмысленности и слепой случайности языковой эволюции, причем этот внутренний функциональный смысл трактовался как остаток былого совершенства языковой системы. С этой точки зрения эволюция сводится к раздроблению, к разрушению»*.

* Jakobson R. Remarques sur l'évolution phonologique du russe... P. 17.

Именно на этой основе Якобсон, по контрасту, будет строить нечто противоположное понятию случайности — как в эволюции языков, так и в синхронии. Как известно, Якобсон и Трубецкой считали, что языки эволюционируют *закономерно*, а потому диахрония тоже представляет собой систему. Менее известно, что для них систему в синхронии образует не только язык, но и нечто более широкое: язык со всем тем, что его объемлет и включает в себя как составную часть. Язык — это как бы «система систем», часть более общей и обширной целостности. Мало-помалу вырабатывается внутренняя рациональная реконструкция понятий территории и соседства. Якобсон обнаружил ряд явлений пространственной симметрии: так, евразийский фонологический союз (языки с мягкостной корреляцией) — это «центральное» явление, окруженное как с запада, так и с востока политоническими языками («периферийные» явления). Эти факты подкрепляют, по мысли Якобсона, тезис о том, что пространственное распределение системных явлений законосообразно и *необходимо*.

Перед нами открывается интеллектуальный мир, совершенно отличный от сосюровского: в этом мире языкознание, будучи «общественной наукой», имеет законы, близкие к *необходимым*, а общество напоминает *природную* систему.

Конвергенции или дивергенции?

Рыбы и киты

Во время учредительного собрания Пражского лингвистического кружка (6 октября 1926 года) в кабинете Матезиуса обсуждался только что прослушанный доклад Хенрика Беккера, профессора Лейпцигского университета, на тему «Европейский дух языка». Речь шла о том, что чешский и венгерский языки, не родственные по происхождению, обнаруживают сильные взаимовлияния вследствие их постоянных культурных и территориальных контактов, т. е. не «природных», а «культурных» связей. Этот вопрос шел вразрез с общей теорией «генеалогического древа», изобретенной представителями сравнительного языкознания XIX века и принятой за рабочую гипотезу младограмматиками в их поиске общих законов эво-

люции языка*. Однако этот вопрос зазвучит по-новому в контексте споров в современной биологии.

Именно в биологии Берг пришел к *теории конвергенций*, пересмотрев роль случайности в процессе эволюции. По сути, для него вероятность случайного появления одного и того же признака в двух различных видах в одно и то же время равна нулю**. Однако его наблюдения над рыбами внутренних морей и озер России свидетельствовали, напротив, о том, что у генетически неродственных организмов могут развиться общие признаки. И он приводил простой пример: киты — это млекопитающие, у которых развились признаки, близкие рыбам: они стали похожи на рыб, обитая в той же среде***.

Все эти вопросы приводят к такой *теории происхождения* видов, которая противоположна дарвиновской: если для Дарвина все организмы развиваются путем дивергенции из ограниченного количества первоначальных видов, то для Берга, напротив, они развиваются в основном путем конвергенции из десятков тысяч изначальных форм. Именно у Берга Якобсон и Трубецкой взяли термин «конвергенция», применив его к эволюции языков. Мейе тоже пользовался словом «конвергенция»****, но, вопреки видимости, он ставил вопрос совершенно иначе. По Мейе, конвергенции возможны и даже объяснимы, но лишь между родственными языками. Так как в этой связи возникает и вопрос о гибридизации, близкий Шухардту и Бодуэну де Куртенэ, стоит напомнить, что Якобсон признает лишь такие сходства, которые не имеют к гибридизации никакого отношения: и Якобсон и Трубецкой пользуются понятием миметизма, заимствовав его опять-таки из работ Берга.

Цепочки и кирпичи

Вслед за Трубецким, Якобсон предложил «перепроверить исходный материал». Он обосновывал программу этой пере-

* Ср.: Matejka L. (ed.). *Sound, Sign and Meaning: Quinquagenary of the Prague Linguistic Circle*. Michigan Slavic Contributions, 1978. Preface. P. IX.

** Берг Л. С. Номогенез. С. 105.

*** Там же. С. 103.

**** Ср.: Meillet A. *Convergence des développements linguistiques* // *Revue philosophique*. 1918. T. LXXXV, février.

проверки следующим образом: «Некоторые конвергенции столь разительны, что не могут быть случайными совпадениями» (т. е. опять же случайности не существует...). В 1938 году, изучая вопрос о фонологических сродственностях между языками, он пришел к идее *необходимости*, понимая ее близко к экологической трактовке взаимосвязей в растительном мире: «Ареал политонии, например, соприкасается обычно с ареалом произношения гласного с гортанным усилением»*.

Понятие *гибридизации* часто встречалось в биологии конца прошлого века. Оно казалось самоподразумеваемым и в языкознании вместе с понятием *смешения языков* (Sprachmischung), которым пользовались как Г. Шухардт, так и И. А. Бодуэн де Куртенэ. Н. Я. Марр тоже положил его в основу учения, назвав «скрещением». Это понятие, соответствовавшее духу времени, было в неявной и сложной форме опровергнуто Трубецким в его докладе «Мысли об индоевропейской проблеме» на заседании Пражского лингвистического кружка в Праге 14 декабря 1936 года.

Напомнив о том, что само понятие «индоевропейский» — это понятие лингвистическое «в такой же мере, как понятия “синтаксис”, “родительный падеж” или “ударение”»**, и что «индоевропейский пра-народ», по всей вероятности, «никогда и не существовал»***, Трубецкой стремится доказать *изначальное* многообразие индоевропейских языков: «В настоящее время существует много индоевропейских языков и народов. Оглядываясь назад, в историческое прошлое, мы замечаем, что так было и раньше. <...> Кроме предков современных индоевропейских языков в древности существовал еще целый ряд других индоевропейских языков, которые вымерли, не оставив потомства»****; «насколько мы можем проникнуть в глубь веков, мы всегда находим в древности множество индоевропейских языков»*****. А раз так, он может далее развивать ги-

* Якобсон Р. О. О теории фонологических союзов между языками. С. 103.

** Трубецкой Н. С. Gedanken über das Indogermanenproblem // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 44.

*** Там же. С. 48.

**** Там же. С. 44.

***** Там же. С. 45.

потезу о формировании индоевропейского «семейства» посредством *конвергенции*. Отметим, однако, что в тексте 1936 года он неоднократно пользовался термином «языковой союз» (Sprachbund), уже не противопоставляя, как это было на Конгрессе 1928 года в Гааге, языковый союз языковому семейству и одновременно вводя понятия конвергенции и дивергенции*. Таким образом, Трубецкой считал, что языки различного происхождения *стали* индоевропейскими. Совершенно иной вид имеет — в той же самой статье — картина эволюции славянских языков. Трубецкой, по сути, предлагает для этих языков образ цепочки (или скорее кольца)**.

Роль конвергенции у Трубецкого была плохо понята исследователями, что стало источником неразумений. Так, В. Пизани в панораме индоевропейской лингвистики между 1926 и 1936 годами*** трактует мысль Трубецкого *в эволюционистском духе* (индоевропейские языки переходят от типа, близкого к северокавказским языкам, к типу, близкому к угро-финским и алтайским языкам) и не обращает внимания на важную мысль об ареальной конвергенции между неродственными языками.

По сути, двойная цель Трубецкого в этой статье в том, чтобы подвергнуть суровой критике, с одной стороны, идею последовательной генетической дивергенции языков (учение Шлейхера о генеалогическом древе), а с другой стороны, учения, стремящиеся связать изучение доисторических языков с археологическим изучением культур (в частности, нацистские теории, согласно которым предки германцев изначально жили (Urheimat) на территории нынешней Германии, а их язык был предком (Ursprache) языка нынешних немцев).

В письме Якобсону от 7 января 1937 года Трубецкой радуется тому, что в Вене возник кружок молодых востоковедов, этнографов и языковедов: они осторожно выступали против направлений «индогерманистики», царствовавших тогда в немецкой науке, и издавали журнал «Клото» (Исторические исследования феодального и дофеодального мира (Historische

* Трубецкой Н. С. Gedanken über das Indogermanenproblem // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 46.

** Там же. С. 47–48.

*** Pisani V. Allgemeine and vergleichende Sprachwissenschaft-Indogermanistik // Wissenschaftliche Forchungsberichte. Bd. 2. 1953.

Studien zur feudalen und vorfeudalen Welt)). При этом иронически упоминался расистский археолог Менгин (по его доносу в доме Трубецкого весной 1938 года гестапо провело обыск). В том же письме Трубецкой ссылался на «Венскую школу» П. В. Шмидта, который тоже сдержанно выступал против официального «индогерманизма». За отчетом о докладе Трубецкого в Пражском лингвистическом кружке, появившемся в немецкой «Prager presse», последовали — со стороны различных кружков — многочисленные просьбы предоставить текст для публикации целиком.

Фактически понятие конвергенции лежит в основе концепции «языкового союза» у Трубецкого: его смысл полностью раскрывается на фоне двух других публикаций Трубецкого — «Вавилонская башня и смешение языков» (1923), в которой он впервые предлагает термин «языковой союз», и «Верхи и низы русской культуры» (1921), где он представляет географическую, ареальную концепцию истории языков и культур.

Этот текст 1936 года следует понимать как полемику против нацистских теорий генетического, этнического происхождения «индоевропейского народа». Но его необходимо также читать на фоне старого спора об эволюции языков, охватывавшего более широкий круг тем. В частности, теоретики чисто генетической эволюции, зашоренные натуралистической метафорикой, по сути, так и не определили, можно ли уподобить языки *видам*, преобразующимся друг в друга (ср. мамонт как «предок» слона), или же *особям одного и того же вида*, генетически наследующим признаки одного родителя (от матери к дочери — по схеме партеногенеза или рождения без отца). Модель конвергентной эволюции была замкнута в рамках биологической метафоры, но позволяла понять многочисленные явления заимствования и заражения, которые невозможно было объяснить строго генетическим образом.

Тем самым мы видим, насколько сильно повлияла эпистемологическая проблематика естествознания последней трети XIX века, введенная в языкознание, на структурализм «русских пражан», хотя он к этому и не сводится.

Существовали и другие темы споров в биологии, запечатленные в книгах той идеальной библиотеки «русских пражан», которую мы здесь изучаем: 1) «холистическое» опровержение дарвинизма в Чехословакии 1920-х и 1930-х годов*, 2) оппози-

* Steiner P. The Conceptual Basis of Prague Structuralism // Matejka L. (ed.). Sound, Sign and Meaning... 1978. P. 351–385.

ция катастрофизма и унитаризма (по Дарвину, *Natura non facit saltum*, тогда как для Берга и Якобсона, но также и для Марра, существуют «скачки», «конвульсии»), 3) «левый» протест против дарвинизма в России — с отказом от борьбы за существование во имя «принципа сотрудничества».

Перевод с фр. Наталии Автономовой